

УДК 811.161.1'38

ПРАГМАТИКА ЭПИСТОЛЯРНОГО ВОКАТИВА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ

Куварова Е. К.

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, г. Днепропетровск

В статье обосновано понятие эпистолярного вокатива, показано, что эпистолярный вокатив может быть реализован в тексте письма тремя способами: собственно обращением, метатекстом и косвенной адресацией. Прагматический потенциал эпистолярного вокатива как лингвистической единицы связан с экстралингвистическими факторами социального характера, эмоциональным и физическим состоянием адресанта и его отношением к адресату.

Ключевые слова: эпистолярный вокатив, обращение, письмо, адресант, адресат, фатическая функция языка.

Постановка проблемы. Речевое общение людей, предполагающее взаимодействие, как минимум, двух коммуникантов, требует обязательного наличия адресата речи, а для установления контакта между отправителем и получателем сообщения язык вырабатывает соответствующие средства, в число которых могут входить самые различные способы именования адресата высказывания. Чаще всего это собственно обращение.

Морфологические свойства, синтаксическая природа и прагматический потенциал обращения неоднократно становились объектом лингвистического исследования. Однако средства организации направленности речи не исчерпываются обращением и формируют, по мнению В. Е. Гольдина, функционально-семантическую категорию речевого контакта, организованную по принципу поля, в центре которого находится обращение, а периферию покрывают другие средства речевого контакта [1, с. 5]. Они образуют открытое множество коммуникативных элементов и, вероятно, в свою очередь могут быть дифференцированы по ряду признаков, в том числе и по связи с коммуникативными сферами, которые обслуживаются данными языковыми средствами. Очевидно, что средства привлечения внимания адресата типа *Извините, пожалуйста!, Эй, ты!, Какие люди!, В красной кофточке!, Не могли бы Вы подойти?*, свойственные устному непосредственному общению, совершенно нехарактерны для письменной речи, и в частности эпистолярной коммуникации. В то же время эпистолярика, столь же древняя, как и само письменное общение людей, выработала свои способы и средства адресации текста, и **цель исследования** – выяснить, каковы эти средства, установить их типологию и прагматические свойства.

Самым типичным средством речевого контакта, которым, как правило, начинается текст письма, является обращение как «организованное по законам данного языка название реального или предполагаемого адресата речи, используемое в речевом общении с целью привлечь внимание того лица, к которому речь направлена,

вызвать у него определенную реакцию на последовавшее или последующее сообщение или вынудить его к совершению действия, диктуемого разговорной ситуацией» [10, с. 3]. Значимость обращения как формы прямой адресации для эпистолярной коммуникации подчеркивается тем, что, будучи расположенным в инициальной текстовой позиции, оно достаточно регулярно выделяется адресантом в самостоятельное предложение и, как правило, дистанцируется от последующего текста.

Синтаксическая роль обращения трактуется в лингвистической литературе по-разному: обращения рассматриваются как «слова и словосочетания, не образующие ни предложений, ни их частей» [6, с. 404], как «грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого» [12, с. 170], как «имя существительное в именительном падеже, одиночное или являющееся главным членом словосочетания и не составляющее предложения, а сопровождающее предложение, к которому с помощью этого обращения привлекается внимание» [9, с. 36]; иногда обращение трактуется как член предложения, связанный с ним соотносительной связью [11, с. 249], и даже как именное односоставное предложение, употребленное самостоятельно или в составе сложного предложения и соединенное с остальной его частью бессоюзной связью [10, с. 88]. Основные функции обращения – аппеллятивная (называние адресата) и контактоустанавливающая; обращение может также выполнять оценочную функцию [3] и функцию социальной регуляции общения [1, с. 93]. В качестве частного компонента фатической (контактоустанавливающей) функции Л. П. Рыжова выделяет вокативную функцию обращения, «сущность которой заключается в привлечении внимания другого лица или побуждении его к совершению некоторого действия» [13, с. 83].

Те же самые функции в письме выполняет и целый ряд обозначений адресата речи, по своим морфолого-синтаксическим свойствам не являющихся обращением и представляющих собой адресующий метатекст типа «от такого-то к такому-то» или «такому-то от такого-то». Такой метатекст может включать именование адресанта и адресата или называть только адресата письма. Соответствующие формулы В. Е. Гольдин относит, наряду с обращением, к прямым вербальным средствам адресации [1, с. 52–54], и вот несколько примеров употребления адресующих метатекстов в письмах самого разного назначения:

Володымеру Васильевичу
от Мусорянина
Здравица и прославление.

Никто жарче Вас не грел меня во всех отношениях; никто проще и, следовательно, глубже не заглядывал в моё нутро; никто яснее не указывал мне путь-дороженьку.

[М. П. Мусоргский – В. В. Стасову, 4, с. 141]

Александр – Исааку.

Воспользовавшись случаем, пишу тебе маленькое посланьице, на которое, для обоюдной пользы и развлечения, рекомендую ответить.

[А. А. Фадеев – И. И. Дольникову, 14, с. 289]

Донье Анне-Лауре и прелестному Оркестру привет.

Он благодарит, он пишет, он посылает – он уже давно рискнул, п[отому] ч[то] риск нужен.

[М. П. Мусоргский – А. Н. и Н. Н. Пургольд, 4, с. 99]

Еще один способ установления контакта, довольно широко используемый в письмах, – обозначение адресата «в третьем лице», подобное особо вежливым формам обращения к собеседнику в некоторых языках (немецком, польском, шведском и др.), охарактеризованное В. Е. Гольдиным как косвенная адресация [1, с. 51–52]. Примеры косвенной адресации:

*Светик Савишина покорнейше просит **многоуважаемую Людмилу Ивановну** уведомить её по месту жительства, может ли она, Савишина, в воскресенье пожаловать к ней и в какое время...*

[М. П. Мусоргский – Л. И. Шестаковой, 4, с. 59]

*Слышано было мною, что **сокровище моё неоценённое в милом образе дяньки**, со свойственным оному лукавством, забралось ко мне в моём отсутствии.*

[М. П. Мусоргский – В. В. Никольскому, 4, с. 89]

Формулы титулования типа *Ваше Высочество*, *Ваше Превосходительство* используются в качестве средств установления контакта не только как обращение, но и в функции местоимения 2-го лица *Вы*:

*От **Вашей Светлости** подобного бешенства ожидать надлежит, буде доказать вам угодно в публике так, как и передо мною, сколь мало границы имеет Ваша необузданность.*

[Екатерина II – Г. А. Потёмкину, 2, с. 97]

По структурно-семантическим свойствам все эти разнообразные обозначения адресата в письмах сходны с обращением. Они могут состоять из одиночного или детерминированного антропонима в разных его вариантах (имя, имя и отчество, прозвище и т. д.), формулы титулования, апеллятива, детерминированного апеллятива, перифрастической номинации. Хотя синтаксические функции номинаций адресата речи, выделенных в приведенных выше примерах, отличны от функций обращения, в некоторых случаях они могут интерпретироваться двояко, как это имеет место, например, в следующем контексте: *Знаете, что меня иногда беспокоит: отчего это **Вы**, **тёзка в квадрате генерала от фельетонов**, производите околесную шутки ради, а он – **тёзка Ваш** – учиняет всякую гиль в серьёзную, да вдобавок не гомерическим калибром* [М. П. Мусоргский – В. В. Стасову, 4, с. 73].

Учитывая параллелизм конструкций *Вы, тёзка в квадрате генерала от фельетонов* и *он – тёзка Ваш*, выделенные слова можно рассматривать как пространенное приложение, и все же это не исключает трактовки данного оборота как обращения.

Подобно обращению, адресующие метатексты и формы косвенной адресации тяготеют к положению в начале и в конце эпистолярного текста. Обращение, в неизменном или модифицированном виде, нередко включается адресантом в заключительную этикетную формулу письма, образуя вместе с инициальным обращением рамочный вокатив. То же самое можно сказать и о формах косвенной адресации. Письмо, которое начинается обращением *Милый друг Корсинька*, ещё раз здрав-

ствуйте!, завершается речевым оборотом с косвенной адресацией: *А так как можно, то нечего разводиться, а поцеловать крепко Корсиньку могу и даже очень и пожелать ему приятного сна, ибо 2-й час ночи* [М. П. Мусоргский – Н. А. Римскому-Корсакову, 4, с. 94–96].

Возможен и обратный порядок: косвенная адресация в начале письма и обращение в конце. Так, письмо М. П. Мусоргского А. Н. и Н. Н. Пургольд начинается оборотом *Донне Анне-Лауре и милому Оркестру ещё раз привет*, – а завершается этикетной формулой с обращением: *А пока крепко жму Ваши руки, Донья Анна-Лаура и милый Оркестр, и прошу отписать, а Вашим, которые меня знают, кланяюсь* [4, с. 100–102].

Сочетание адресующего метатекста с обращением возможно и в начале письма, например:

*Академику А. Е. Ферсману, Петроградская Академия наук
Симферополь, 18. I 921
Дорогой Александр Евгеньевич..*

[В. И. Вернадский – А. Е. Ферсману, 7, с. 98];

Дяньке Никольскому.

Друг, дянька, завтра, в субботу вечером, часам к 9-ти прибудьте слушать «Псковитянку», к[ото]рая исполниться имеет у, без всякого сомнения, Пургольд.

[М. П. Мусоргский – В. В. Никольскому, 4, с. 119]

При этом, как правило, в письме возможна замена форм косвенной адресации обращением и наоборот или трансформация одной формы в другую.

Рассмотренные выше способы обозначения адресата речи, так или иначе реализующие вокативную функцию языка в письмах, мы объединили бы термином **эпистолярный вокатив**. Эпистолярный вокатив в отличие от собственно обращения как прямого наименования лица, предмета или явления, к которым обращена речь, не имеет однозначно маркированного плана выражения и может быть представлен в письме не только именительным или, скажем, звательным падежом, но и падежом дательным (*Владимиру Васильевичу Стасову при посвящении «Хованщины»* [4, с. 133], винительным (*Жду моего родного, жду очень, но больше не зову* [5, с. 69]), родительным (*Эх, чёрт возьми, – жму руку Вашу, – руку художника и сердечного, грустного человека, должно быть, – да?* [5, с. 90]). С формальной же точки зрения, эпистолярный вокатив – это та адресация письма, которая обозначена адресантом непосредственно в тексте письма независимо от того, как и кем она представлена на средствах пересылки письма, и в частности на конверте.

Определить (дефинировать) предложенный нами термин можно следующим образом. **Эпистолярный вокатив** – это лингвистическая фигура, которой автором письма обозначен адресат как субъект или объект коммуникации. Фигура эта может быть непосредственным обращением, опосредованной адресацией и даже совмещать непосредственную и опосредованную адресацию.

Хотя вокатив в письме служит прежде всего для установления контакта между коммуникантами, его прагматический потенциал значительно шире, что обусловлено разнообразием структурно-семантических моделей этой лингвистической едини-

цы. По характеру воздействия на адресата мы считаем возможным выделить такие типы эпистолярного вокатива:

1) **фатический**, который служит только для установления контакта, эмоционально нейтрален, реализуется антропонимом в одной из его разновидностей, апеллятивом или сочетанием онима и апеллятива в соответствии с этикетными нормами своего времени и коммуникативной ситуацией: *Женя!*; *Евгений Николаевич!*; *Ал. М.!*; *Милостивый Государь Сергей Николаевич!*; *тётя Оля*; *мама*; *господин редактор*; *товарищу Волкову*;

2) **комплиментарный**, сокращающий коммуникативную дистанцию между адресантом и адресатом, содержит изъявление дружеских чувств, уважения, приятного отношения, любви. В семантике апеллятивов, детерминирующих адъективов типа *дорогой*, *милый*, *любезнейший*, деминутивов, гипокористических форм имени, которые входят в состав комплиментарного вокатива, содержится эмоционально-оценочный компонент, например: *Гришенька* [2, с. 17]; *Милая милушечка Гришенька* [2, с. 19]; *Многоуважаемая Авдотья Петровна* [4, с. 25]; *Драгоценнейший Милий Алексеевич* [4, с. 10]; *Прекраснейший Милий Алексеевич* [4, с. 11]; *Дорогой Милий* [4, с. 18]; *Милый друг Корсинька* [4, с. 88]; *друг мой* [4, с. 80]; *Дружок Корсинька* [4, с. 108]; *Голубушка наша Людмила Ивановна* [4, с. 128]; *душенька* [4, с. 21]; *батюшка Вы мой* [4, с. 73]; *родимый Вы мой* [4, с. 73]; *мой благоприятный Володимер Васильевич* [4, с. 74]; *Дорогой Вы мой, славный мой* [4, с. 161]; *умница барыня* [4, с. 160]; *сокровище моё неоценённое в милом образе дяиньки* [4, с. 89];

3) **аллюзийный**, который включает прозвище или метафорическое наименование адресата, актуализирующее некоторые компоненты пресуппозиции, общие для обоих коммуникантов апперцептивные знания; содержит намек на некие обстоятельства, известные как адресанту, так и адресату. Аллюзийный вокатив часто включает элементы языковой игры, шутки, используется для того, чтобы развлечь адресата, сделать речевую коммуникацию привлекательной; может выполнять проспективную функцию, предваряя текст письма и направляя внимание адресата на отдельные его содержательные аспекты: *Вашему Русланско-Людмильскому Величеству* [4, с. 61]; *Дон Хуану, боярину Матуте, Михайле Туче (сыну посадничьему), князю Шуйскому, Самозванцу и многих других орденов кавалеру, Василию Васильевичу Васильеву* [4, с. 121]; *коренник Илья Ефимович* [4, с. 147]; *Наипревосходнейший, бесподобнейший, в мозгах моих презрядный ковырятель и к вящему оных усовершенствованию пособитель* [4, с. 118]; *тёзка в квадрате генерала от фельетонов* [4, с. 173]; *мой вещун* [4, с. 137]; *Günüralissime* [4, с. 135]; *Враждебной Донне Анне-Лауре и совершающему *lunga pausa* милому Оркестру* [4, с. 106];

4) **суггестивный**, который способствует внушающему воздействию на адресата, когда адресант стремится убедить его в искренности своих намерений, внушить ему представление о необходимости выполнения тех или иных действий, вызвать доверие, передать свое эмоциональное состояние, так, например, как в письме М. Горького Л. Н. Андрееву: *Я, милый мой дружище, устал, полуболен и раздражён, как нервная баба. У меня болит голова, а по ночам действует сердце. Сначала – очень прытко действует, а потом устанет и, якобы, уж и совсем не действует. И в такой момент я думаю – а что, как сдохну я, Пешков?* [5, с. 189]. Суггестивный

вокатив, как правило, представляет собой обращение в основной части письма, которое предваряет просьбу, изъявления благодарности, извинения и т. п., например: *Милый Константин Петрович! Я непременно буду просить и умолять Вас приехать в Москву, послушать пьесу в чтении* [5, с. 179]; *Напишите драму, Антон Павлович. Ей-богу, это всем нужно* [5, с. 104]; *Большое Вам спасибо, дорогой, за похвалы. Сильно побуждают они меня на новую, лучшую работу* [5, с. 432]. Когда человек пишет в состоянии аффекта, сильного эмоционального и физического напряжения, например, перед боем, из которого он может не выйти живым, повторяющееся обращение становится не просто выражением любви, но и создает иллюзию соприкосновения, контакта, неразрывной связи между автором письма и адресатом: *Здравствуйте, дорогие Клабочка, Валечка и Жанночка, папа и мама!.. Клава ... Клава! ... Клава, береги детей!..* [8, с. 186].

Выводы. Эпистолярный вокатив, таким образом, это специфическая лингвистическая фигура письменной речи со своей типологией, которая может быть дополнена и уточнена, однако приведенные выше примеры показывают, что прагматические свойства эпистолярного вокатива как лингвистической единицы связаны с экстралингвистическими факторами социального характера, эмоциональным и физическим состоянием адресанта и его отношением к адресату, и эти связи должны стать предметом дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы / В. Е. Гольдин. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1987. – 130 с.
2. Екатерина II и Г. А. Потемкин: Личная переписка 1769–1791 / [издание подгот. В. С. Лопатин]. – М. : Наука, 1997. – 992 с.
3. Маркелова Т. В. Обращение и оценка / Т. В. Маркелова // Русский язык в школе. – 1995. – № 6. – С. 76–81.
4. Мусоргский М. П. Письма / М. П. Мусоргский. – 2-е изд. – М. : Музыка, 1984. – 446 с.
5. Переписка М. Горького: в 2-х т. / [подгот. текста и коммент. М. Семашкиной и Л. Евстигнеевой]. – М. : Худож. лит., 1986. – Т. 1. – 479 с.
6. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 7-е изд. – М. : Учпедгиз, 1956. – 512 с.
7. Письма В. И. Вернадского А. Е. Ферсману (1907–1944) / [сост. Н. В. Филиппова]. – М. : Наука, 1985. – 272 с.
8. Письма героев обороны Киева / [сост. и авт. коммент. И. Ф. Евдокимов]. – К. : Политиздат Ук-раины, 1984. – 198 с.
9. Попов А. С. Обращения-предложения в современном русском языке / А. С. Попов // Русский язык в школе. – 1958. – № 5. – С. 36–39.
10. Проничев В. П. Синтаксис обращения (на материале русского и сербохорватского языков) / В. П. Проничев. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. – 88 с.
11. Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка : [учеб. пособие] / А. Г. Руднев. – М. : Высшая школа, 1963. – 364 с.
12. Русский язык. Энциклопедия / [гл. ред. Ф. П. Филин]. – М. : Советская энциклопедия, 1979. – 432 с.
13. Рыжова Л. П. Коммуникативные функции обращения / Л. П. Рыжова // Семантика и прагматика синтаксических единств. – Калинин : Калининский гос. ун-т, 1981. – С. 76–86.
14. Фадеев А. А. Собр. соч. в пяти томах. – Т. 5. Статьи, рецензии, записные книжки, письма / [под ред. Е. Ф. Книпович, В. М. Озерова, К. А. Федина]. – М. : ГИХЛ, 1961. – 684 с.

Куварова О. К. Прагматика епістолярного вокатива як лінгвістичної одиниці / О. К. Куварова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 4, ч. 2. – С. 270–276.

У статті обґрунтовано поняття епістолярного вокатива, показано, що епістолярний вокатив може бути реалізованим у тексті листа трьома способами: власне звертанням, метатекстом і непрямою адресацією. Прагматичний потенціал епістолярного вокатива як лінгвістичної одиниці пов'язаний з екстралінгвістичними чинниками соціального характеру, емоційним і фізичним станом адресанта і його ставленням до адресата.

Ключові слова: епістолярний вокатив, звертання, лист, адресант, адресат, фатична функція мови.

Kuvarova Ye. Pragmatics of epistolary vocative as a linguistic unit / Ye. Kuvarova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 4, part 2. – P. 270–276.

The concept of epistolary vocative is being grounded in the article. It is shown that in the text of a letter epistolary vocative can be realized by means of three methods: the appeal proper, the appealing metatext and the indirect addressing. Pragmatic potential of epistolary vocative as a linguistic unit related to the extralinguistic factors possessing social character, to the addresser's emotional and physical condition as well as to his attitude towards an addressee.

Key words: epistolary vocative, appeal, letter, addresser, addressee, contact-establishing function of language.

Поступила в редакцію 15.10.2012 г.